

В горах Крыма

Мое имя – Александр Гнатов, но я более известен как капитан Алекс из Крыма. По окончании службы по контракту в армии, я оказался обладателем нескольких сот тысяч рублей (к сожалению, на них не возможно было создать безбедное будущее) и чином капитана. Итак, без службы, но имеющим кое какие деньги – я решил направиться в горы Крыма и заняться тем, о чем давно мечтал. Исследованием пещер.

В этих поисках я провел около года в обществе другого с которым вместе служил, капитана Дмитрия Блаженкова из Геленджика. Нам чрезвычайно везло, – в конце весны 2015 г., после целого ряда неудач, мы нашли богатейшую своими внутренними проходами и тайнами пещеру, которой не могли представить себе даже в самых дерзновенных мечтах. Дмитрий, горный инженер по образованию, установил, что мы нашли какой-то подземный город.

Так как наша экипировка была крайне примитивна, мы решили, что один из нас должен вернуться в цивилизованный мир, чтобы закупить необходимые снаряжение и припасы еды.

Так как Дмитрий хорошо знал местность, а также был отлично осведомлен в вопросах горного дела, то мы решили, что в город поедет он. Я же должен был остаться и оберегать наше добро от странствующих искателей.

3-го мая 2015 г. Дмитрий распрощался со мной и сел в джип, и стал спускаться по горному хребту в долину, через которую лежал его путь.

Утро, в день отъезда, было, как обычно ясное. Я следил за машиной, спускавшейся с горы вниз к долине.

Спустя полчаса я случайно бросил взгляд в сторону долины и был чрезвычайно изумлен при виде джипа, черневшего в том месте, где я видел его в последний раз. Я не склонен к излишней мнительности, но чем больше я старался убедить себя, что с Дмитрием все благополучно, и что точка, которую я видел, была каким, то животным, тем не менее, мне это не удавалось.

С тех пор, как мы вступили на эту территорию, мы не встретили ни одного человека, и потому беззаботность наша дошла до крайнего предела. Мы высмеивали все слышанное нами о сектантах, которые обосновались в этих краях, якобы шнырявших по горным тропам, где они жадно выслеживали добычу. По рассказам, они подвергали жесточайшим мучениям всякого человека, попавшего в их беспощадные когти.

Я знал, что Дмитрий вооружен и, кроме того, обладает большим опытом в драках; но я знал, что шансы его против шайки хитрых сектантов весьма слабы. В конце концов, состояние неизвестности стало для меня нестерпимым; вооружившись пистолетом, я вскочил и направился по следам Дмитрия.

Как только я добрался до более или менее ровной дороги, я припустился бежать и, таким образом, продолжал свой путь, поскольку это представлялось возможным, до самых сумерек. Было уже почти темно, когда я вдруг заметил какие-то следы, присоединившиеся к следам Дмитрия. Это были следы трех людей.

Я спешно продолжал свой путь, пока не наступила полная темнота, вынудившая меня дожидаться восхода Луны. В ожидании мне оставалось только углубиться в размышления о целесообразности моей погони. Возможно, что я сам, подобно нервной женщине, придумал

несуществующие опасности, и что при встрече с Дмитрием все мои опасения разрешатся громким смехом. Однако я не был склонен к чувствительности, а чувство долга, к чему бы оно ни вело, было для меня своего рода фетишем на протяжении всей моей жизни, возможно, именно этому принципу я обязан тому, что получил несколько наград и обзавелся парой тройкой верных друзей.

Около девяти часов Луна светила уже достаточно ярко, и я мог продолжать свой путь; без особого труда я довольно быстро продвигался вперед по тропинке, местами начиная бежать. Около полуночи я добрался до водоема, у которого, как я знал, можно было сделать привал. Я выбежал на это место совершенно неожиданно для себя и нашел его совершенно пустынным, без малейших признаков недавнего пребывания здесь человека.

Я заметил, что следы людей, – были свежими, останавливались лишь на короткое время у водоема, и все время скорость их движения оставалась примерно такой же как и у меня.

Теперь я знал совершенно определенно, – что это были сектанты, и что они захватили Дмитрия живым, чтобы насладиться его мучениями. Поэтому, несмотря на опасность, я бежал в надежде догнать этих варваров раньше, чем они убьют моего друга.

Дальнейшие мои размышления были прерваны отзвуком выстрелов, раздавшихся далеко впереди меня. Я понял, что в данный момент Дмитрий нуждается во мне больше, чем когда-либо, и я немедленно припустил с бешеным ритмом вверх по узкой горной тропе.

Я пробежал целый километр или даже больше, не слыша ни единого звука. Внезапно тропинка оборвалась и перешла в небольшое открытое плоскогорье, вблизи которого возвышалась вершина горы. Чтобы выбраться на это плоскогорье, мне пришлось проехать через узкий проход, у конца которого я остановился, как вкопанный, так как зрелище, представившееся теперь моим глазам, наполнило мою душу изумлением и ужасом.

Небольшая полоска равнины сплошь усеяна низкими домами. Посредине лагеря с полсотни мужчин сгруппировались вокруг какого-то предмета. Внимание их было приковано к нему настолько, что они не заметили моего приближения, и я мог бы с легкостью повернуть назад под темные своды ущелья и, таким образом, ускользнуть от них. Однако то обстоятельство, что мысль эта возникла у меня лишь на другой день, лишает меня права на звание героя, которым, в противном случае, повествование об этом эпизоде могло бы меня наградить.

Не думаю, что я был создан героем, так как из всех тех многочисленных случаев, когда свершаемые мною поступки ставили меня лицом к лицу со смертью, я не могу припомнить ни одного, когда возможность иного образа действия, нежели предпринятый мною, открылся бы мне ранее, чем через много часов. Разум мой, по-видимому, устроен таким образом, что я подсознательно следуя велению чувства долга, не прибегая к утомительным мозговым процессам. Во всяком случае, я никогда не сожалел, что трусость не является принадлежностью моей натуры.

В эту минуту я, конечно, понял, что центром всеобщего внимания был ни кто иной, как Дмитрий. Что последовало раньше – мысль или поступок – не знаю, но через мгновение я выхватил свой пистолет и стал быстро посылать выстрел за выстрелом в самую гущу сектантской толпы, издавая в то же время дикие крики изо всей силы своих легких. В моем положении я вряд ли мог придумать что-нибудь лучшее, так как ошеломленные неожиданностью сектанты, в полной уверенности, что их настиг целый отряд полиции, бросились врассыпную за своим оружием.

Зрелище, представившееся теперь моим глазам, заставило застыть кровь в моих жилах. Под ярким светом луны лежал Дмитрий; тело его было на кровавое месиво. В том, что он был мертв, не могло быть ни малейшего сомнения, и все же я постарался спасти его тело от поругания, как если бы дело шло о спасении его жизни.

Подбежав к нему вплотную, я нагнулся и, ухватившись за его пояс, взвалил тело себе на спину. Взгляд, брошенный мною назад, убедил меня, что возвращение более рискованно, нежели продолжение пути вперед через плоскогорье. Пригнувшись под тяжестью тела Дмитрия, я помчался к ущелью, видневшемуся вдали по ту сторону равнины.

Тем временем сектанты успели сообразить, что я один, и мне вслед полетели проклятья, сопровождаемые пулями. То обстоятельство, что при лунном свете может попасть в цель, пожалуй, только проклятье, учитывая их крайне неуравновешенное душевное состояние, а также мой быстрый бег – все это спасло меня от пуль врага, и я получил возможность добраться под прикрытие ближайших возвышенностей прежде, чем сектанты успели организовать настоящую погоню.

Я двигался вперед, не разбирая дороги, так как знал, что найду верный путь. Но на этот раз я ошибся и пошел по тропе, ведущей к вершине горной цепи, а не к ущелью, через которое я надеялся выбраться в долину и таким образом спастись от погони. Возможно, однако, что именно этой ошибке я обязан жизнью и теми замечательными приключениями, которые произошли со мной в течение последующих десяти лет.

Первая мысль о том, что я на верном пути, мелькнула у меня, когда вопли преследуемых стали доноситься до меня слева и притом стали менее внятными.

Я понял, что они направились по левую сторону зубчатой скалистой возвышенности, окаймляющей плоскогорье, в то время как я нес тело Дмитрия по правую ее сторону.

Я очутился на небольшом ровном выступе скалы, с которого можно было разглядеть тропинку внизу, и увидел, как кучка преследовавших меня сектантов исчезла за вершиной соседней горы.

Мне было ясно, что скоро они обнаружат свою ошибку, и тогда погоня, будет возобновлена. Стоит им только найти мои следы.

Я успел пройти небольшое расстояние, как вдруг перед моими глазами вырос большой скалистый утес. Тропинка, по которой я шел, была ровная, довольно широкая и вела вверх. По правую руку от меня возвышалась скала, вышиной в несколько сот метров, а по левую сторону оказался такой же крутой, почти отвесный спуск, ведущий на дно скалистого оврага.

Я не прошел и ста метров, как резкий поворот вправо вывел меня к отверстию большой пещеры. Отверстие было четыре метра в высоту и от трех до четырех в ширину. Тропинка кончалась у самой пещеры.

Утро уже наступило, и, как всегда в Крыму, все внезапно озарилось ярким дневным светом.

Я положил тело Дмитрия на землю. Самый тщательный его осмотр не обнаружил ни малейших признаков жизни. Я вливал воду из своей фляги в его мертвые губы, смачивал его лицо водой, тер руки, словом, провозился с ним около часа, будучи в то же время совершенно уверенным в его смерти.

Я очень любил Дмитрия. Он был настоящим мужчиной и хорошим, верным товарищем. С

чувством глубокой скорби я прекратил свои тщетные попытки оживить его.

Оставив тело Дмитрия там, где оно лежало, на самом краю площадки, я вполз внутрь пещеры для рекогносцировки. Здесь я нашел большое помещение, примерно в двадцать метров в диаметре и в тридцать или сорок метров в высоту. Ровный, хорошо утоптаный пол и многие другие внешние признаки свидетельствовали о том, что когда-то, в отдаленные времена, пещера эта была обитаемой. Задний план ее был настолько скрыт в густой тени, что я не мог разобрать, имеются ли там еще выходы в другие помещения или нет.

Продолжая свой осмотр, я начал ощущать приятную сонливость, охватившую мое существо, что я приписал своей усталости от длительного и напряженного бега, а также реакции после возбуждения борьбы и погони.

Я чувствовал себя в новом помещении в относительной безопасности, так как видел, что один человек может защитить тропинку, ведущую в пещеру, против целой армии.

Охватившая меня полудремота вскоре стала так сильна, что я с трудом противостоял властному желанию броситься на землю и заснуть. Я признавал, что это совершенно недопустимо, так как это означало бы верную смерть от рук моих сектантских «друзей», которые могли нагрянуть ко мне каждую минуту. Сделав над собой усилие, я направился к выходу из пещеры, но сильное головокружение отбросило меня к боковой стене, и я навзничь упал на землю.

Блаженное ощущение охватило меня, мускулы мои ослабели, и я был уже близок к тому, чтобы уступить желанию заснуть, как вдруг до моего слуха донесся звук приближающегося топота. Я сделал попытку вскочить на ноги, но, к величайшему своему ужасу, обнаружил, что мускулы мои отказываются повиноваться моей воле. Я был в полном сознании, но не мог пошевелить, ни одним мускулом, как, бы превратившись в камень. И в этот самый момент я впервые заметил, что пещеру наполняет какой-то прозрачный туман, заметный лишь у самого выхода, озаренного дневным светом. Из всего этого я заключил, что подвергся действию какого-то ядовитого газа, но не мог понять, почему я сохранил мыслительные способности, и в то же время, будучи не в состоянии сделать, ни одного движения. Я лежал лицом к выходу из пещеры, откуда мне была видна узкая полоска тропы, проходившая между пещерой и поворотом утеса. Звук приближающегося шагов прекратился, и я понял, что сектанты осторожно подкрадываются ко мне вдоль выступа, ведущего к моей могиле. Я припоминаю, что надеялся, на то, что они быстро покончат со мной, так как меня не особенно радовало предвкушение тех многочисленных пыток, которым они меня подвергнут, если дадут волю своей фантазии.

Ждать пришлось недолго. Легкий шорох известил меня, что враг рядом. Из-за гребня скалы показалась физиономия в головном уборе, похожем на капюшон, и злобные глаза впились в меня. Я был уверен, что, несмотря на царивший в пещере полумрак, он прекрасно все видел, так как лучи утреннего солнца падали прямо на меня через входное отверстие.

Однако вместо того чтобы приблизиться, он стоял неподвижно, с вытаращенными глазами и открытым ртом. Затем показалась еще одна дикая физиономия, потом третья, четвертая и пятая, причем каждый перегибался через плечо своего соседа, так как выступ скалы был слишком крут, чтобы обойти его кругом.

Каждая физиономия являла собой воплощение страха и ужаса, но причина их испуга была мне так же непонятна, как и десять лет спустя. Что кроме смотревших находились еще люди,

можно было заключить из того, что сектанты шепотом передавали что-то стоящим за ними.

Внезапно из глубины пещеры, откуда-то позади меня, раздался слабый, но внятный стон. Как только он достиг слуха сектантов, они повернулись и – бросились бежать, охваченные паникой. Их стремление ускользнуть от невидимой опасности, находившейся позади меня, было настолько велико, что один из них был сброшен с утеса вниз головой на острые камни ущелья. В течение нескольких мгновений в воздухе раздавались их дикие крики, затем все стихло.

Звук, испугавший моих врагов, больше не повторялся, но и одного раза было достаточно для того, чтобы заставить меня углубиться в размышления о неизвестном чудовище, скрывавшемся во мраке за моей спиной. Страх – относительное понятие. Поэтому я могу измерить мои ощущения только путем сравнения их с тем, что было испытано мною в других опасных положениях, имевших место в моей жизни до и после этого дня. Я могу без зазрения совести сказать, что если ощущения, испытанные мною в течение последующих нескольких минут, были страхом – да поможет господь бог трусу, так как трусость, несомненно, является его собственной карой.

Быть в состоянии парализованности, спиной к ужасной и неизвестной опасности, один звук которой обратил в паническое бегство бесстрашных сектантов – кажется мне апогеем ужасных положений даже для человека, испытанного в борьбе за свою жизнь.

Несколько раз мне казалось, что я слышу позади себя слабые звуки, как, будто кто-то осторожно двигается. Но это скоро прекратилось, и я был предоставлен спокойным размышлениям о своем положении. Я мог лишь смутно догадываться о причине моего паралича, и единственная моя надежда была на то, что он прекратится так же внезапно, как и начался.

И вот я остался один с таинственным существом позади себя и с мертвым телом моего друга, лежавшим там, куда я положил его на рассвете.

С этой минуты до полуночи вокруг меня царила тишина – тишина смерти. И вдруг ужасный стон вновь достиг моего содрогнувшегося слуха, и вновь из густого мрака пещеры, позади меня, послышался звук от движения какого-то существа и как бы слабое шуршание сухих листьев. Это потрясение оказалось чрезмерным для моих напряженных нервов, и сверхчеловеческим усилием воли я сделал попытку порвать свои ужасные оковы. Это было усилие разума, воли, нервов, но – увы, не мускулов, так как я не мог пошевелить даже мизинцем.

Затем я ощутил сильный внутренний толчок, мгновенную тошноту, услышал треск как бы ломающегося стального прута, и почувствовал себя прислоненным к стене пещеры, лицом к лицу со своим неизвестным врагом.

В эту минуту лунный свет озарил внутренность пещеры, и... прямо перед собой я увидел свое собственное тело, распростертое в той же позе, в какой оно пролежало все эти часы: с широко открытыми глазами, устремленными к входу в пещеру, с безжизненно раскинутыми руками. Охваченный полнейшей растерянностью, я переводил взгляд со своей недвижимой земной оболочки, лежавшей на полу, на себя, стоящего у стены. На земле я лежал одетый, и в то же время стоял у стены совершенно нагой, как в час своего рождения.

Превращение было настолько внезапно и неожиданно, что на минуту я забыл обо всем, кроме своей чудесной метаморфозы. Первой моей мыслью было: неужели это и есть смерть? Неужели я действительно перешел по ту сторону жизни? Но я не мог вполне поверить этому, так как

ясно ощущал сильный стук сердца о ребра – результат моего усилия освободиться от сковавшего меня онемения. Дыхание мое вырывалось из груди быстрыми, короткими порывами, холодный пот выступил из каждой поры моего тела. Я применил испытанный способ проверки – щипок – и убедился, что я не призрак.

В эту минуту повторившийся глухой стон из глубины пещеры напомнил мне окружающую меня обстановку. У меня не было ни малейшего желания стоять лицом к лицу с угрожающим мне невидимым врагом, так как я был наг и безоружен.

Мой пистолет был рядом с моим безжизненным телом, к которому я по какой-то непреодолимой причине не мог заставить себя приблизиться. Единственным выходом из создавшегося положения было бегство. Решение бежать укрепилось, когда я вновь услышал шуршащий звук приближающегося ко мне существа, которое, как показалось моему расстроенному воображению, осторожно ползло на меня из мрака пещеры.

Не будучи более в состоянии противиться искушению бежать из этого ужасного места, я быстро проскользнул в отверстие входа и очутился под звездным небом ясной Крымской ночи. Резкий свежий горный воздух по ту сторону пещеры сразу оказал на меня свое подкрепляющее действие, и я почувствовал, как вливается в меня новая жизнь и новая отвага. Остановившись на несколько мгновений на краю выступа, я старался восстановить свое помутившееся сознание. Размышляя о том, что в течение многих часов я пролежал совершенно беспомощный в пещере, и все же ничто не причинило мне вреда. Логика и здравый смысл подсказывали мне, что слышанные мною шорохи происходили, по-видимому, от каких-нибудь естественных и совершенно невинных причин. Может быть, само строение пещеры таково, что легкое дуновение ветра производило слышанные мною звуки.

Я решил вновь отправиться на разведку. Но прежде чем двинуться с места, я поднял голову, чтобы наполнить свои легкие чистым, укрепляющим горным воздухом. В эту минуту взгляд мой упал на расстилающуюся передо мной прекрасную панораму горных хребтов и равнин, поросших кактусами. Под фосфорическими лучами луны картина эта казалась сказочной и овеванной каким-то особым очарованием.

Немногие чудеса могут так вдохновить человека, как освещенный луной горный пейзаж: посеребренные горы вдаль, странное сочетание света и тени, причудливые контуры своеобразно-красивых растений, создают восхитительную картину, и человеку, видящему ее, кажется, что он впервые заглянул в какой-то мертвый или забытый мир, совершенно непохожий на все другие места земного шара.

Погруженный в созерцание, я перевел взор с земли на небеса, где мириады звезд раскинули великолепный шатер для красавицы Земли. Внимание мое внезапно было привлечено большой красной звездой, видневшейся недалеко от горизонта. И, смотря на нее, я почувствовал себя во власти какой-то могучей, волшебной силы. И в ту далекую незабвенную ночь, когда я, как заколдованный, не мог оторвать от нее свой взор, мне показалось, что она властно призывает меня к себе через необозримое пространство, манит меня кинуться к ней, как магнит притягивает к себе кусок железа.

И тяготение мое оказалось непреодолимым. Я закрыл глаза, простер руки по направлению к призывавшей меня звезде, и почувствовал, как с быстротой молнии какая-то волшебная сила понесла меня в необозримое пространство.

На мгновение резкий холод и непроницаемый мрак окружили меня.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/485760>